Полковник Н. ДЕМИН

Записки офицера

Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны
Москва — 1945

Полковник Н. ДЕМИН

☆

ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА

Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны
Москва — 1945

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБРАБОТКА

Евг. ГАБРИЛОВИЧА

Полковник Н. ДЕМИН

АКАДЕМИЯ ВОЙНЫ

Позавчера меня вызвали на совещание в штаб армии. Я выехал рано. Утренний туман стоял над Августовскими лесами. По узкой дороге, вырубленной в чаще, двигались наши военные обозы; попадались и повозки польских крестьян, гружённые дровами, мешками, бидонами с молоком — была среда, базарный день. Лесная дорога вливалась в шоссе, замелькали телеграфные столбы, разрушенные и полуразрушенные каменные и деревянные здания. Я подъезжал уже к С., этому старинному польскому городку, включённому немцами в так называемую Юго-Восточную Пруссию, когда у обочины дороги увидел «Виллис», шофёр которого менял камеру. Лицо полковника, стоявшего возле «Виллиса», показалось мне очень знакомым. Неужто Михаил Скворцов? Я остановил машину.

— Миша!

Полковник оглянулся. Да, это был Скворцов, мой друг, товарищ по академии. Мы бросились друг к другу. Начались расспросы, быстрые по необходимости — оба мы очень спешили. Оказалось, что Миша получил дивизию и едет её принимать. Итак, оба мы, которых война застала за академическими столами, командуем

дивизиями и будем воевать почти рядом в Августовских лесах, на границе Пруссии.

Немалый путь мы прошли, и не только географически. Я вспомнил тот солнечный июльский день 1941 года, когда мы, группа командиров, только что окончивших курс в академии, выезжали из Москвы на фронт. Я вспомнил ночь перед отъездом. Миша ночевал у меня. Тёплая ночь, огромный затемнённый город, полоски прожекторов, пробегавшие по небу. Мы не спали. Не скрою: мы были очень взволнованы. Да, мы были уверены в своей подготовке, в своих знаниях. Но предстояло сразиться с сильным, коварным врагом. Как-то мы покажем себя в этой схватке? Сумеем ли приложить свои знания? Хватит ли у нас командирской воли, стойкости, решимости, умения разобраться в сложных, запутанных положениях? Одно — работать за учебной картой и неплохо работать, другое — на поле, в боевой обстановке.

Я помню, как Миша меня спросил:

— Не спишь?

— Не сплю.

— Встанем.

Мы встали и вышли на балкон. Светало. Синяя дымка стелилась над городом. Это была Москва, великая наша Москва, с которой у каждого из нас было связано столько воспоминаний.

— Через пять часов нас здесь уже не будет, — сказал Миша. — Когда-то мы снова увидим Москву!

Да, не скоро я увидел Москву! Только через два года. Я начал войну на юге под Павлоградом, дрался под Ростовом, был ранен, вылечился, участвовал в боях на изюм-барвенков-

ском направлении, был снова ранен, сражался под Сталинградом, затем на северо-западе при ликвидации демянской группировки немцев, а затем на Западном фронте — Ельня, Орша... Под Ельней я был ранен в третий раз...

Много было пережито и перечувствовано за эти два года. Я видел горькие дни отступления, видел людей беспримерного героизма, пути и дороги войны, сёла, сожжённые немцами, и виселицы, воздвигнутые ими на площадях советских городов. Я видел, как росла и ширилась народная сила сопротивления немцу-захватчику, как опрокинула эта сила хвалёную гитлеровскую армию, как дрогнула и откатилась в своё логово немецкая армия под натиском наших войск.

Изменились и мы, офицеры Красной Армии. Я помню первые дни своего пребывания на фронте в качестве начальника штаба дивизии. Помню, как мне думалось, что на войне всё идёт строго по плану, что, например, сзади меня должны обязательно находиться оперативные резервы, запасные рубежи. В действительности в первый период войны это оказывалось не всегда так. Приходилось изыскивать тактические ходы, которые стушёвывали бы эти изъяны, придумывать, изобретать. Теоретически значилось, что для выполнения той или иной операции необходим такой-то перевес в силах. Но частенько, весьма частенько этого перевеса не было. И здесь тоже приходилось придумывать, изобретать. Я убедился, что при правильном, творческом решении задачи, при правильном, а не шаблонном использовании войск можно с малыми силами сделать то, что теоретически казалось невозможным. Так практика

вносила свои дополнения в академические теории. Но при одном условии: практика должна быть озарена творческой мыслью офицера.

Да, это была академия войны, где необходимы были все академические знания, но где к этим академическим знаниям надо было добавить один необходимый для офицера элемент: творчество.

Я встречал знающих, образованных офицеров, которые тщательно и детально разрабатывали операцию, предусмотрев, казалось, все возможные варианты — пять, семь, десять вариантов... И всё же операция протекала неудачно, либо потому, что в основе её лежал шаблонный, не творческий замысел, либо потому, что на поле боя имел место какой-нибудь вариант, не предусмотренный планом, и командир становился втупик перед этим вариантом. Да, на войне нередко бывает этот непредвиденный вариант! Видел я и командиров, которые, наоборот, считали тщательную предварительную разработку операции делом мало существенным, полагаясь на то, что на поле боя-де они «додумают», найдут нужные решения, «доосмыслят».

Но чем дольше шла война, тем чаще и чаще встречал я офицеров, которые умели творчески подойти к каждой своей задаче, мастерски, тщательно, детально отработать за столом все её детали; офицеров, которым и на поле боя был присущ тот же творческий блеск, та же творческая решимость и которым поэтому не был страшен любой, даже самый неожиданный вариант. В конце концов этот тип офицера стал господствующим в нашей армии.

Вспоминаю первый урок в этом роде, который дал нам наш комдив на раннем этапе войны.

Перед фронтом дивизии враг создал крепкую оборону. Особенно укрепились немцы на Чёрной горе, господствовавшей над всей местностью и контролировавшей все подступы к нашим линиям. Гора была покрыта несколькими полосами дзотов.

Получен был приказ атаковать немцев. И вот командир собрал штабных работников, чтобы наметить участок, на котором должно нанести главный удар. Были высказаны разные мнения. Большинство из нас склонялось к тому, что основной удар следует нанести на левом фланге, где высоты переходили в степь. Правда, немцы держали здесь львиную долю своих сил, но всё же это был наиболее слабый участок их обороны из-за конфигурации местности. Вот мы и исходили из того общеизвестного принципа, что удар надо наносить там, где оборона для противника наиболее затруднительна.

— Нет, — сказал комдив, — здесь наносить удар нельзя.

— Почему?

— Потому что, исходя из указанного вами принципа, немцы ждут удара именно на этом участке. Значит, все их штабные разработки составлены, исходя из этого. К такому удару они подготовлены полностью, для парирования его у них разработана каждая мелочь. Надо нанести удар там, где они не ожидают.

Но где? Возможности были весьма ограничены.

— Надо атаковать Чёрную гору, — сказал комдив.

Чёрную гору! Наиболее сильный участок немецкой обороны! Это казалось немыслимым.

Некоторые из нас выразили убеждение, что это слишком сильная позиция, чтобы её атаковать.

— Абсолютно сильных и абсолютно слабых позиций не бывает, — сказал командир, и эта мысль запала мне в память. — Каждая сильная позиция имеет свои слабые стороны, и наоборот. В этом диалектика боя, операции. Надо только найти ход, ключ к решению, и слабость самой сильной позиции может быть немедленно доказана.

И комдив раскрыл нам свой «ключ», свою идею. Началась тщательная, детальная штабная разработка этой идеи, и вскоре она была осуществлена.

Ночью скрытно основные силы дивизии были переброшены на правый фланг, к Чёрной горе. На следующую ночь оставшиеся на левом фланге войска начали наступление. Нескольким танкам с автоматчиками на броне удалось прорваться в темноте и занять перекрёсток дорог в тылу у немцев. Достигнув перекрёстка, танки и автоматчики подняли невообразимую стрельбу.

Ночью немцы, конечно, не могли разобраться в том, какие силы атакуют их. Они сочли это за начало нашего удара тем более обоснованно, что ожидали удара именно в этом пункте. Начали действовать все заранее разработанные планы немецкого штаба. Со всех участков, в том числе и с Чёрной горы, враг стал подтягивать на свой правый фланг подкрепления. Тогда-то, на рассвете, и был нанесён наш главный удар основными силами дивизии на Чёрную гору, гарнизоны которой были значительно ослаблены указанной переброской. Вначале немцы считали этот удар демонстрацией и потому некоторое время пребывали в нерешительности,

что делать с находившимися в движении войсками, а потом, когда сообразили, в чём дело, время было уже упущено: наши подбирались к вершине Чёрной горы. К полудню Чёрная гора была взята. Теперь уже мы господствовали над местностью, и наши танки устремились вперёд. Прорыв был осуществлён.

Тогда-то, на примере этого небольшого боя, мне стало ясно всё значение творческого «ключа» в военном деле, и я понял, что действительно нет такой сильной позиции, которую нельзя было бы одолеть, если найден «ключ», если тщательно разработана каждая деталь боя, если, наконец, безотказно действуют все звенья воинского организма от высших до низших.

Кстати, о низших звеньях. Я знал одного командира батальона, который казался мне знающим, инициативным, энергичным, смелым офицером. Потом был назначен другой командир полка, и я стал получать о комбате довольно неутешительные сведения. Все сходились на том, что он стал вялым, утерял былую энергию, былой пыл. Устал? Какие-нибудь личные неурядицы? Я решил поговорить с ним.

При посещении полка пошёл к нему в батальон, зашёл в блиндаж. После уставных приветствий я дружески сказал ему:

— Привет, Николай Иванович!

Он встретил меня радостно. Мы были старые боевые друзья, немало вместе повоевавшие. И вот мы уселись, закурили. Я присматривался к нему, ведя обычный деловой разговор. Действительно, что-то было в нём не то...

— Что с вами, Николай Иванович? — спросил я. — Вы какой-то другой.

Сначала он отмалчивался, потом вдруг сказал:

— Хочется поговорить с вами откровенно, товарищ полковник.

Да, именно этого я и хотел. Он стал говорить.

Говорил он, смущаясь, подыскивая слова. Я понял, в чём дело.

Новый командир полка был одним из тех, которых называют «опекунами». Сам очень энергичный, деятельный, творческий командир, он, однако, «опекал» каждый шаг подчинённых ему офицеров, следил за каждым их распоряжением. Он как бы не доверял их военной сметке, умению. Он не опирался на их творческую самостоятельность.

И это, по-моему, была ошибка, о которой мне хочется упомянуть, говоря о творческом лице командира. Необходимо вовлекать подчинённых офицеров в творческий процесс решения задачи в тех её частях, которые относятся к участку, где действуют эти подчинённые. Я уже не говорю о том, что при этом вышестоящий командир всегда получит ряд советов, которые будут ему чрезвычайно полезны при решении общей задачи. Но даже, если этого не произойдёт, каждый его офицер будет чувствовать себя как бы участником творческого замысла и с большей ответственностью, с большим пылом будет относиться к выполнению задачи. Ибо, в нём будет всё время жить чувство, что общее решение включает в себя элементы и его, частного, решения, совета.

Перед оршанским наступлением наш командарм, обходя траншеи, откуда предполагалось нанести противнику основной удар, обратился к

одному из моих командиров рот, лейтенанту Савенко с вопросом о том, как он думает передвигать на данной местности свои станковые пулемёты вслед за атакующими войсками. Савенко дал продуманную схему движения, остроумно использующую все топографические особенности его участка. Командарм остался очень доволен.

— Отлично, товарищ лейтенант! — сказал он.— Попробую использовать ваш способ на некоторых других участках.

Началась оршанская операция. Савенко дрался прекрасно. Когда мой заместитель похвалил его, он сказал:

— А как же иначе? Сам придумал, сам каждую мелочь обмозговал, люди мою идею переняли. А я бы после этого дрался плохо! Разве это возможно!

Этот небольшой пример показал мне ещё раз, как важно для старшего командира всячески поощрять инициативу младших офицеров, развивать в них самостоятельную творческую мысль, делать так, чтобы они чувствовали в общем замысле частицу их собственного замысла, их собственного военного творчества. Мне кажется, что даже тогда, когда перед операцией старший офицер не принимает решения младшего, он должен делать это так, чтобы младший офицер всё же остался при убеждении, что новое решение включает в себя элементы его советов, его замыслов.

...После совещания в штабе армии я на обратном пути заехал к Мише Скворцову. На фронте было тихо. Мы проговорили с ним всю ночь. Он рассказал мне о своём боевом пути.

Мы воевали с ним в разных местах: он — на севере, я — на юге, но наш командирский путь был как бы общим. Это был путь людей, которые вступили в войну неплохо теоретически подготовленными, но без должного практического опыта, людей, которые прошли вслед за тем великую академию войны. В чём же основные черты этой академии? Что дала она советскому офицерскому корпусу кроме того, что уже указано выше?

☆

ЧЕРТЫ КОМАНДИРА

На-днях у нас в офицерском клубе был доклад о летних операциях Красной Армии в 1944 году. Докладчик отличный. Говорил он чрезвычайно живо, приводя множество малоизвестных фактов. Такой доклад было приятно слушать.

Докладчик видит следующие ведущие и характерные черты в наступательных операциях прошлого лета.

Эти операции были рассчитаны, во-первых, на сокрушение и уничтожение главных стратегических группировок врага и, следовательно, характеризуются решительностью своих целей. Они поражают, во-вторых, стремительностью своего темпа. Самая сильная, глубоко эшелонированная оборона противника прорывалась нами на всю тактическую глубину в течение двух дней, а иногда в течение одного дня. Затем прорыв развивался в оперативной глубине. Войска, наступавшие в Белоруссии, проходили по 22—24 километра в сутки. Войска маршала Рокоссовского прошли расстояние от Ковеля до Варша-

вы — более 250 километров — в течение десяти дней. В-третьих, захват врага в клещи стал основным методом нашего наступления. Мы научились не только ковать эти клещи, но и дробить, уничтожать по частям охваченные ими вражеские войска.

К примеру, ясско-кишинёвская операция. В ней явственно проступают те основные черты, о которых я говорил. Она началась 20 августа. Сильнейшая оборона врага возле Ясс была прорвана в течение первой половины суток. На шестой день наступления клещи замкнулись, охватив группировку в 22 дивизии врага. Началось дробление и уничтожение этих дивизий. На пятнадцатый день мощная, вооружённая до зубов группировка немцев была ликвидирована полностью.

После доклада зашёл у нас в офицерском клубе разговор о том, какие основные черты офицерского корпуса Красной Армии сделали возможными сложные и мастерские операции, подобные хотя бы ясско-кишиневской. Разговор вышел интересный, горячий. Придя домой, я записал кое-что из того, о чём говорили.

При этом мысли одного из командиров полков — подполковника Семчука — показались мне особенно интересными. Он говорил о блеске нашего военного искусства, о неоспоримо возросшем творческом элементе в действиях офицеров всех рангов, о том, как много дала нашему офицеру ежедневная практика войны. Потом он сказал:

— Но есть ещё один элемент, благодаря которому удались великие летние операции прошлого года.

— Что же это за элемент? — спросили мы.

— Это наш младший офицер, командир роты, взвода, его боевые качества, — отвечал подполковник.

Он стал пояснять свою мысль, и я не мог с ним не согласиться.

Мы говорили о том звене нашего офицерства, которое по своему положению непосредственно соприкасается с солдатской массой, об офицерах, которые лично ведут бойцов в сражение и делят с ними все невзгоды походной жизни.

Сила духа такого офицера, его храбрость, его опыт, его решимость и настойчивость в выполнении поставленных задач имеют самое существенное значение в реализации любого замысла. В чём же разница между младшим офицером начала войны и таким же офицером 1944 года?

Офицерское звено рота — взвод было в начале войны хорошо теоретически подготовлено, но боевого опыта у него не было. Не было у него и того, что я называю солдатскими навыками.

Попробую объяснить свою мысль.

Вот офицер наблюдает поле боя. Рвутся снаряды, свистят мины, стучат пулемёты. Если офицер малоопытен, если у него нет боевых навыков, то ему кажется, что опасность грозит его подразделению отовсюду, что враг простреливает всё, что манёвр невозможен. Если, напротив, он опытен, если он, так сказать, умеет «читать» поле боя, то он сразу отделит мнимую опасность от действительной, увидит пункты, где враг в самом деле силён и где только кажется сильным. Это умение отличить действительную опасность от мнимой, это умение «прочесть» поле боя я называю боевым навыком.

102

Каждый из нас помнит случаи, имевшие место в начале войны, когда неплохой офицер, лично храбрый, не всегда, вследствие своей боевой малоопытности, разбирался в обстановке и, так сказать, запутывался среди действительного и мнимого. И каждый из нас помнит великолепный боевой реализм наших командиров рот, взводов во время летнего наступления прошлого года. Уловки врага не могли увести такого офицера от намеченной цели. Он точно видел, где враг действительно силён и где только кажется сильным. Благодаря этому качеству, благодаря этой военной зоркости наш офицер мог идти на любой, самый дерзкий манёвр — такими манёврами изобилует история нашего прошлогоднего летнего наступления.

Это — об опыте офицера, как командира. Теперь о его мужестве, о личном его поведении на поле боя.

Есть у меня командир роты Вахтиков. Это один из самых храбрых офицеров, когда-либо встречавшихся мне. Храбр он без аффектации. Во время боя он столь же спокоен и неторопլив, как в самой обычной обстановке. Кстати, такой вид мужества наиболее близок душе нашего бойца.

Однажды несколько молодых офицеров, только что прибывших в дивизию и побывавших с Вахтиковым в бою, стали выражать восхищение его храбростью.

— Я так же храбр, как и вы, — отвечал спокойно Вахтиков, — разница между нами только в том, что у меня есть солдатские навыки.

Что же это за солдатские навыки? Вопрос, который тоже имеет прямое отношение к боевому опыту офицера, но несколько с другой

стороны — со стороны личного поведения офицера в бою.

Малоопытному солдату почти всегда кажется на поле боя, что опасность ждёт его отовсюду, что нет возможности уйти от неё. Опытный же, бывалый солдат всегда «прочтёт» поле боя, всегда определит, где подлинная опасность и где опасность воображаемая. Это его солдатский, боевой навык. Тот, кто близко наблюдал поведение бывалых солдат в траншее во время обстрела или на поле сражения, всегда отличит этих солдат от их малоопытных товарищей-новичков.

Офицер должен в высокой степени обладать солдатскими навыками. Он должен быть хорошим солдатом в бою и в походе. Прав Вахтинов: личное мужество должно сочетаться с опытом и навыками, благодаря которым бывалый солдат определяет, скажем, место разрыва снаряда по свисту его в полёте. Нередко то, что кажется офицеру-новичку огромным испытанием храбрости, ни в малейшей степени не является таким испытанием для опытного офицера, потому что он видит, предугадывает, понимает поле боя, в чём по неопытности не всегда может разобраться новичок.

Вот этот-то солдатский опыт тоже является одним из отличительных качеств нашего офицерства 1944 года.

Это — об опыте. Теперь — о другом.

Знаю я одного командира полка, назовём его Васильевым. Я могу сказать о нём много самого хорошего.

Это опытный, лично чрезвычайно мужественный офицер, к тому же усердно и плодотворно

занимающийся теорией нашего командирского мастерства.

Но есть у этого человека недостаток, и этот недостаток часто даёт себя знать. Васильев отлично составляет план боя, потому что хорошо знает тактику боя, прекрасно изучил своих людей и потому что мысль его работает творчески. Но вот начинается самый бой. Вступают в действие те неожиданности, которые сопутствуют почти каждому сражению. Васильев — опытный, знающий офицер — всегда самостоятельно находит точный, правильный ход, парирующий неожиданный манёвр противника. Но тут даёт себя знать дефект воли, отсутствие решимости. Васильеву кажется, что его решение неточно, он сомневается в нём, он ищет подтверждения, поддержки старшего начальника. А время уходит, и правильное, иногда блестящее решение теряет практически всякую ценность.

Да, решимость — одно из важнейших качеств офицера. Во время наступательной операции, когда связь с вышестоящими штабами в известной мере затруднена, решительность действий младшего офицерского звена исключительно важна. Эти качества надо поэтому особенно развивать в подчинённом офицере. Та опека, то «опекунство», о которых я уже говорил, наоборот, убивают в подчинённом офицере решимость. Привыкнув к тому, что начальство указывает ему всё до мелочей, «висит» над ним, а он является только исполнителем чужой воли, такой офицер чувствует себя всё время связанным, он ищет опеки и [illegible]. Года два назад я знавал офицеров, которые в критический момент боя опасались главным обра-

зом разгневать начальство каким-либо действием без заранее испрошенного разрешения. Такого рода офицеров я почти не наблюдал во время летнего наступления прошлого года. Наоборот, это наступление характеризуется необычайной решительностью действий среднего и младшего офицерского звена. И в этом я вижу одну из причин наших побед.

И наконец — о силе духа офицера.

Профессия офицера включает в себя готовность к смерти ради выполнения долга перед отечеством. Однако мало людей, которые были бы равнодушны к смерти. Всё же обстоятельства таковы, что офицер всегда должен подчёркивать это равнодушие. Он должен быть спокоен при любых обстоятельствах. Офицер обязан помнить, что солдат наблюдает за ним, что малейший признак малодушия офицера может мгновенно и резко сказаться на поведении всего подразделения. И наоборот, столь же резко и быстро распространяются спокойствие, уверенность, исходящие от офицера.

Вспоминается мне один случай под Сталинградом. На небольшое подразделение, защищавшее рубеж, шли в атаку немецкие танки. Первую атаку подразделение отбило. Отбило оно и вторую атаку, хотя уже с трудом: потери в людях были велики. Но вот немцы пошли в третью атаку. Полтора десятка танков шло на измученных людей, на поредевшие ряды защитников рубежа. И люди дрогнули. Как всегда в таких случаях, какой-то одиночный крик страха, малодушия послужил сигналом к панике...

В этот момент бойцы увидели, что командир подразделения держит в руках фотоаппарат.

Спокойно, как ни в чём не бывало, он навёл видоискатель на еще дальние точки врага. Щёлкнул затвор фотоаппарата, ещё раз, ещё раз... Пули свистели вокруг, рвались снаряды, но наш офицер видел как бы только свой аппарат, был занят только съёмкой.

Спокойствие офицера, обыденность, неторопливость его жестов и движений столь контрастировали с теми чувствами, которые переживали бойцы, что они не могли не обратить на это внимания. Если офицер вёл себя не только совершенно спокойно, но ещё занимался фотосъёмкой (а все знали, что он был страстный фотограф-любитель), значит в положении подразделения не было ничего страшного. Значит, офицер видел и знал нечто такое, чего не видели и не знали они, бойцы.

И бойцы приободрились. Секунда — и все они вновь пришли в себя. Атака была отбита.

Что же спасло в данном случае положение? Сила духа офицера, его самообладание. Да, в любых, даже самых критических положениях офицер должен быть внешне абсолютно спокоен, уравновешен. Я не рекомендую, конечно, каждому офицеру в трудный момент вылезать на бруствер и заниматься фотосъёмкой. Но каждый офицер должен настолько владеть собой, чтобы в трудный момент найти то слово, тот жест, тот характер поведения, которые подействуют на его бойцов наиболее успокаивающе и воодушевляюще. Замечу, кстати, что здесь во многом поможет офицеру знание психологии своих бойцов.

Я видел в самых различных фазах нашего наступления проявление этой силы духа нашего офицерства, этой его высокой моральной стой-

кости. Я видел офицеров, которые со своими небольшими подразделениями сутками сдерживали возле переправ или на перекрёстках дорог вражеские орды, пытавшиеся вырваться из «котлов». Я знаю десятки офицеров, которые во время преследования врага проникали глубоко к нему в тыл, спокойно и уверенно действуя в отрыве от наших главных сил.

Такие действия всегда говорят прежде всего о высокой моральной стойкости, о силе духа командира. Но не только. Они говорят и о его решимости, знаниях, умении, о его боевых навыках как командира и солдата.

Старший офицер должен настойчиво каждодневно воспитывать эти качества в своих подчинённых офицерах. Самое серьёзное внимание должен он обращать на командиров роты, взвода.

Однако одной воспитательной работы мало. Надо заботиться о бытовых нуждах этих офицеров, внимательно присматриваться к условиям их жизни, всеми мерами улучшать её.

☆

ПРАВАЯ РУКА КОМАНДИРА

Готовясь к разбору одного из последних боёв, я нашёл у себя свёрток старых оперативных карт и штабных документов. Далёким 1941 годом повеяло на меня от этих пожелтевших листов.

Вот передо мной одна из первых моих разработок. Наша дивизия получила приказ ударить во фланг прорвавшейся немецкой группировке. Как трудно было тогда штабу дивизии подготовить все сведения, необходимые коман-

диру для принятия правильного решения! Мы и штабные офицеры, только-только начинавшие проходить суровую школу войны, ещё слабо ориентировались в беспрерывно меняющейся обстановке, плохо знали организацию и тактику немецких войск. Трудно было собрать даже сколько-нибудь удовлетворительные данные о немецкой группировке: с разведкой в ту пору у нас не ладилось. У штабных офицеров не было нужного умения обобщать отрывочные, разрозненные сведения. Связь между подразделениями, войсками и штабом то и дело нарушалась, особенно в подвижном, маневренном бою.

Кстати, о связи. Теперь нельзя без улыбки вспомнить такой эпизод. Приезжаю я в разгар боя на командный пункт одного полка и застаю такую картину. Немолодой уже, высокий, чернявый майор — командир полка кричит в телефонную трубку:

— «Клинок», «клинок», ты меня слышишь, «клинок»?

Но «клинок» — один из батальонов полка — повидимому, не слышит. Майор охрип, пот катится с него градом. Крепко выругавшись, он рассылает своих связистов по линии, связь налаживается, но через пять минут немецкие снаряды снова рвут где-то провода. Связи нет, а немцы вот-вот пойдут в новую атаку.

— А что с вашей рацией, где она? — спросил я у майора.

— Да она у меня тут, рядом.

— Где рядом?

— В балочке, — не без некоторого смущения пояснил командир полка.

Оказалось, что до этой балочки немного-немало 300—400 метров! Выяснилось также, что

перед каждым боем майор угонял свою рацию подальше от себя. Причина была проста: не один только этот майор в ту пору страдал радиобоязнью. Многие были твёрдо уверены, что немцы способны немедленно запеленговать работающую рацию и по пеленгу обнаружить месторасположение командного пункта. Пришлось заставить майора извлечь рацию из «балочки», разместить её рядом с собой и полностью использовать в бою радиосвязь.

Я начал Отечественную войну начальником штаба дивизии, на моих глазах выросли, возмужали наши штабные офицеры. Этот процесс был тем более сложным и трудным, что молодым советским штабам противостояли сколоченные, прошедшие школу современной войны немецкие штабы во главе со святая-святых фашистской военщины — прусским генеральным штабом. Немцы до небес превозносили непогрешимость своих штабов, своих штабных офицеров, с гордостью и без конца повторяли имена Мольтке-старшего, Шлиффена. Что ж, мы можем признать, что в лице немецких штабов мы имели очень сильного противника. Но в великих битвах Отечественной войны советские штабы превзошли хвалёные штабы немцев. Весь ход войны, Сталинград, последовавшие одно за другим окружения немецких группировок показали огромное превосходство наших высших штабов над высшими немецкими штабами.

Но только ли высших?

Я невольно сравниваю найденную мною старую штабную документацию с боевой документацией последнего проведённого на границе Восточной Пруссии боя. Как в зеркале, отра-

зался в них рост наших войсковых штабов. Последние штабные разработки несравненно глубже и содержательнее, они несят отпечаток серьёзного знания дела, зрелости.

...Дивизия вступила в сырые и мрачные Августовские леса после тяжёлых и трудных боёв. В лесной глуши на флангах наступления мы встретили два сильных опорных пункта. Немцы защищали их с огромным упорством. В центре же сопротивление было значительно слабее.

Нанести удар в центре — это решение напрашивалось само собой.

Но мой штаб хорошо знал немецкую дивизию, которая противостояла нам, знал «стиль» её командира и её штаба, все приёмы оборонительного лесного боя, излюбленные этой дивизией. Сразу в штабе возникла мысль, что немцы, которые располагали значительно превосходящими силами, провоцировали наш удар в центре, пытаясь втянуть нас в западню.

Действительно, разведка скоро установила, что в центре, в глубине леса, за слабой оборонительной полосой у немцев подготовлен прочный оборонительный рубеж, вогнутый большой подковой. Подкова была обращена открытой стороной к нам, и сильные опорные пункты располагались как раз на оконечности этой подковы.

Итак, мы разгадали секрет немецкой подковы. Нас хотели заманить в подкову и устроить нам «мешок», стянув оба её конца. Начали изыскивать наилучший контрманёвр. И вот вместо того, чтобы наносить основной удар в центре, который казался таким слабым у противника, дивизия начала наступление на пра-

вом фланге. Один полк прошёл ночью по лесу и ударил по «подкове» с тыла, с её выпуклой стороны. Продуманная, искусно построенная немецкая оборона в результате этого манёвра была сломлена в несколько часов.

Таким образом, штаб советской дивизии оказался более зорким, гибким и творческим, нежели штаб немецкой дивизии.

Когда я узнаю о новых победах Красной Армии, слышу имена прославивших себя командиров, я прежде всего с благодарностью думаю о тех скромных, зачастую незаметных и безвестных тружениках, которые помогли командирам и войскам осуществить эти победы. Я говорю о штабных офицерах. Без их усилий ни один, даже самый талантливый командир не в состоянии охватить, продумать все стороны и детали современного, сложного и быстротечного боя, подготовить его и управлять им.

Недавно я был свидетелем интересного и поучительного спора, который возник среди нескольких съехавшихся по служебному делу офицеров. Речь зашла о типах штабных работников.

— После войны я бы памятник поставил неизвестному штабному! — с жаром сказал подполковник Прохоров.

— Смотря какому! — подхватил пожилой седой полковник и рассказал следующую историю.

В 1942 году прорвалась на одном из участков фронта крупная группа немецких танков. После долгих трудов полковнику — тогда майору — удалось, наконец, связаться со штабом армии. Он доложил о прорыве, попросил указаний. Каково же было его удивление, когда ему бесстрастным, холодным голосом приказали

найти в необъятной степи (средствами пехотного полка!) немецкие танки и сжечь их.

— Тогда я понял, что на другом конце провода сидит штабной бюрократ, который ничего не видит дальше своих бумаг.

Спор разгорелся. Приводились различные примеры. Говорили о дельных штабистах и о «штабных сухарях». О тех, что ездят в войска, постоянно и плодотворно общаются со строевыми офицерами, и о тех, которых не выманишь из тишины кабинета.

Упомянули и о таком типе штабного офицера, который в штабе не засиживается, бывает в частях. Но, приехав в часть, ведёт себя, как знатный «гастролёр»: в будни, в жизнь части не вникает, настоящей помощи, а не начальственных изречений, от него не добьёшься. И фиксирует он поэтому не действительное положение вещей, а нехарактерные факты, случайно попавшие в его поле зрения.

Словом, разобрали штабистов по косточкам. Что же сказать от себя по этому вопросу? Мне кажется, что упомянутые отрицательные черты кое-где имеют место, но они всё больше, всё заметней стушёвываются. Ныне первое место принадлежит тому штабному офицеру, солдату, мастеру, труженику, которому подполковник Прохоров собирается ставить памятник.

Каковы же основные качества этого штабного офицера? Прежде всего, это офицер высокой воинской культуры, знающий, размышляющий. Он знает свои войска, знает противника, современную боевую технику, природу боя. Постоянно общаясь с офицерами частей, зная и изучая жизнь войск, он умеет заглядывать да-

леко вперёд, умеет предвидеть, умеет чутко улавливать малейшее изменение обстановки. Творческое начало, инициатива — основа его характера, живого и беспокойного. Своим хладнокровием в тяжёлые и трудные минуты он создаёт вокруг себя атмосферу спокойствия, выдержки.

Я на всю жизнь сохраню сердечное чувство признательности и уважения к двум штабным офицерам, с которыми я встретился во время тяжёлой Сталинградской битвы. Фамилии этих офицеров — Гапоненко и Акимов. Они появлялись в частях порой в самые трудные, кризисные моменты боя, вселяя своим спокойствием и выдержкой уверенность в бойцов и офицеров. Нередко случалось так, что пока они добирались из штаба армии, обстановка коренным образом изменялась, те инструкции, с которыми они приезжали, уже не годились! В первый период войны бывало, что, несмотря на это, штабной офицер всё же настаивал на выполнении инструкций. Иначе действовали Гапоненко и Акимов. Зная обстановку в целом на участке армии и задачу армии, Гапоненко и Акимов находили на месте новое решение, лучше всего способствующее в данный момент выполнению общего замысла командующего.

Возвращаясь к описанному выше спору о типах штабных офицеров, мне хочется отметить один недостаток некоторых наших штабов, который, правда, в последнее время встречается всё реже и реже. Если в штабе на руководящем посту сидит упомянутый уже «сухарь», оторванный от жизни войск, то штаб неизбежно «съедает время». Дело в том, что такой работник три четверти времени, отведен-

ного войскам на подготовку к выполнению задачи, тратит на оформление штабных документов. Полки или батальоны получают тщательно отработанный приказ, схему наступления порой за несколько минут до того, как надо выводить роты на исходное положение. И получается тогда по старой солдатской песне: «Гладко писано в бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!» На подготовку людей, на организацию взаимодействия у командира подразделения уже нет времени, время съел сухой, оторванный от жизни штабист.

Мне кажется, что если штаб живёт жизнью войск в полном смысле этого слова, он всегда найдёт самые быстрые, лучшие и необходимые в каждом конкретном случае способы и методы доведения приказов и распоряжений командира до исполнителей. Отмечу, в частности, широко применяемую сейчас графическую боевую документацию, а также систему предварительных распоряжений.

Пословица гласит: «Каковы сами, таковы и сани». Каков командир, таков и его штаб. Командир, который пытается управлять войсками помимо штаба, похож на каменщика-кустаря, который в одиночку строит многоэтажный дом. В первые годы войны мне пришлось видеть таких командиров. У них, как правило, плохо обстояло дело с разведкой, никак не налаживалось чёткое взаимодействие войск. Нередко такой командир во время боя без особой нужды и конкретных чётких заданий рассылает работников штаба по подразделениям. Штабные офицеры в таких случаях превращаются там в праздных зрителей, а командир в само-

ответственное время боя лишается важнейшего аппарата по управлению войсками.

И последнее: непонятным и трудно объяснимым является немилостивое отношение к штабам, особенно к низовым, со стороны некоторых отделов кадров: есть ещё такие люди, которые на низовую штабную работу посылают офицеров, не способных, по их мнению, к командной работе и «засидевшихся» в резерве. Чем, как не полным непониманием значения штабной работы, можно объяснить подобные «назначения».

* * *

В последних приказах Верховного Главнокомандующего начальники штабов упоминаются вслед за именами прославленных командиров. Это высшая оценка деятельности и заслуг наших штабов, высшая похвала нашим штабным офицерам, подавляющее большинство которых действительно является «правой рукой» командира. Советские штабные офицеры создали тот стиль работы наших штабов, который опрокинул столь широко разрекламированный стиль воспитанников германского генерального штаба.

Можно, конечно, ещё многое написать о штабах — я не затронул и половины животрепещущих вопросов. Но ведь я пишу не инструктивную статью, а записки. А в записках отмечаешь лишь то, о чём думаешь, что взволновало тебя сейчас, в данную минуту. Пусть же другие товарищи дополнят меня.

☆

ЗАМЕТКИ О НАШЕМ БОЙЦЕ

Ошибётся тот, кто подойдёт к нашему советскому бойцу с теми оценками, которые были правильны в отношении старого русского солдата и столь гениально выражены корифеями русской литературы прошлого века. Советский солдат иной.

Сказались общая грамотность и широкое идейно-политическое воспитание нашей молодёжи. Как далеки наши бойцы от той, знакомой по многим блестящим страницам литературы, серой солдатской массы, которая идёт под огонь во имя целей непонятных, а порой прямо враждебных ей! Наш боец знает цели войны, понимает их разумом, чувствует их сердцем. Для него немец — враг потому, что он захватчик, насильник, поджигатель, подло напавший из-за угла на нашу родную страну, потому, что он — фашист.

Приходилось ли вам беседовать с простым, рядовым солдатом о целях войны? Вы видите в его суждениях то, чего, конечно, никогда не было в суждениях прежнего русского солдата. Пусть это будет выражено не всегда умелыми словами, но вы заметите отчётливое ощущение им себя как борца за лучшее будущее человечества, за новый, справедливый, очищенный от фашистской скверны мир. Фашизм ненавистен ему потому, что фашизм противостоит всему его воспитанию, образу мыслей, всем тем общественным, нравственным идеалам, в атмосфере которых воспитывался наш боец, как советский человек. Тот, кто близко знает наших солдат, подтвердит, что я нисколько не преувеличу, когда скажу, что, идя в бой на врага-немца,

наш солдат идёт в бой за свои идеалы гражданина и человека.

Может быть, здесь лежит объяснение тех поразительных подвигов, которые иностранцы относят к разряду «чудес». Может быть здесь объяснение «чуда» летнего наступления 1944 года и зимнего наступления 1945 года, когда пехота проделывала марши, которые опрокидывали все теоретические расчёты, когда солдаты, прикорнув на часок на земле или в снегу, снова шли вперёд, чтобы не дать врагу передышки.

Вспоминаю январь, когда мы гнали немцев по степям южнее Сталинграда. Это был действительно ледовый, вьюжный поход. Днём — либо бои, либо тяжёлые переходы, а ночью ночёвка на снегу, под открытым небом: ни хаты, ни дерева на много километров вокруг. Ни щепки дров, нечем даже костёр разжечь.

И вот повстречал я в те дни отделение автоматчиков. Они шли по дороге в строю, а сзади двое из них тащили салазки.

— Что за салазки? — спросил я.

— Домишко походный! — отвечал молодой сержант. — Тут и печурка, и дровишки, и крыша из брезента, и солома для подстилки. Полное хозяйство! Приедем на ночёвку, выроем ямку, прикроем её брезентом, застелем соломой, соорудим печку, — вот тебе и ночлег.

— Ну и как? Неплохо?

— Ничего не поделаешь. Война.

Он помолчал, вытер ладонью пот с лица и добавил:

— Приходится привыкать! Надо же освободить землю от фашизма.

Этот молодой сержант среди снежной морозной сталинградской степи навсегда остался в моей памяти.

* * *

Мне хочется рассказать о той великой любви, которую питают наши бойцы к своему вождю, великому Сталину. Часто в землянках, в окопах говорят они о Сталине и в часы отдыха рассказывают друг другу эпизоды — вычитанные или слышанные, — связанные с товарищем Сталиным.

...Ночую в солдатской землянке на передовой, лежу, прислушиваюсь к разговору бойцов. Разговор идёт о Сталине.

— А я товарищу Сталину письмо писал, — вдруг говорит один из бойцов — Макаров.

— Это когда же ты писал?

— А в сорок первом году, под Москвой... Когда на реке Наре стояли.

— Что же ты написал?

Макаров некоторое время молчит, а потом говорит:

— Письмо как письмо. «Товарищ Сталин, пишет боец Макаров, Сергей. Под Москвой. Товарищ Сталин, мы грудью стоим и будем стоять. Кровь отдадим, а не видать немцу Москвы. Клянёмся. Боец Макаров».

— И всё?

— Всё. Очень уж тогда трудное было положение. Хотелось хоть что-нибудь товарищу Сталину написать. Хоть самое небольшое, но хорошее.

Помню, этот короткий солдатский разговор очень взволновал меня. Мне кажется, что в наивных словах Макарова, так же как и в на-

ивном его письме, лежит нечто глубокое и сильное, что лучше всяких слов говорит о великой сердечной, душевной связи Сталина с народом.

* * *

Наш боец неизмеримо вырос по сравнению с 1941 годом. Он прошёл тяжёлую школу войны, научился воевать в любых условиях. Наш боец-пехотинец знает, что его поддержат и артиллеристы, и миномётчики, и танкисты, и лётчики, что все огромные технические средства, созданные Советской страной, всё первоклассное вооружение, бесконечными эшелонами идущее из тыла на фронт, станет на его защиту в обороне и в наступлении. Он знает, что если готовится наступление, то рывок пехоты вперёд будет предварён сокрушительным огневым ударом. Он видит превосходство нашей артиллерии, нашей авиации, всей нашей техники над техникой врага, и это превосходство, неоднократно продемонстрированное на его глазах, придаёт ему ту дерзость, тот лихой напор, которые являются немаловажным фактором победы! Как далёк и в этом отношении наш советский боец от тех русских солдат, которые дрались с немцами в прошлую войну, при царизме!

За годы войны необычайно возросло личное боевое мастерство бойца. Об этом много писалось, приводились разительные примеры и множить эти примеры в моих записках не нужно. Можно со всей ответственностью утверждать: на четвёртом году войны мы имеем в подавляющей массе подлинно кадровых солдат, в самом высоком значении этого слова.

...Наш боец чрезвычайно наблюдателен. Пройдите по траншее, порасспросите любого бойца, и он расскажет вам, что делается у противника, заметит все изменения у него и даже выскажет свои предположения о том, что думает делать противник.

При этом его предположения почти всегда дельны и основаны на тех солдатских догадках, которыми так отлично руководствуются бывалые воины.

— Сегодня немец после обеда в атаку пойдёт: крепко обедает, несколько кухонь подвезли.

Или:

— Сегодня тихо будет: у немцев смена, сразу новых в бой не пустят.

— Откуда вы знаете, что смена?

— Да чего ж тут знать. Не тем манером пулемётчики стреляют, как те стреляли...

Этой наблюдательностью, этим метким глазом нашего солдата должен широко пользоваться офицер. Иной раз простая беседа с солдатом может дать чрезвычайно много ценного для понимания того, что происходит на переднем крае. Старшему офицеру нужно требовать от своих подчинённых офицеров, чтобы они до дна использовали опыт бывалых воинов при решении боевых задач.

Наш солдат храбр и исполнителен. Если руководят им чётко, разумно, хладнокровно, то он делает чудеса. Но он остро ощущает проявления беспорядка, бестолковщины, неурядицы в ходе боя.

Это всегда должен помнить офицер. Даже в самые критические моменты он должен вести себя так, чтобы у солдат ни на минуту

не возникало это чувство беспорядка, неурядицы.

Отмечу ещё, что даже самый сложный приказ, если наш боец чувствует в нём творческое начало, военную хитрость и смелый манёвр, выполняется им с необычайной энергией и воодушевлением. Тут уж для нашего солдата нет ни усталости, ни слишком тяжёлого труда.

Общеизвестно, что удачный бой повышает моральные качества войск. Очень важно, чтобы первый бой молодых, новоприбывших бойцов был успешным. Мне доводилось специально посылать новоприбывших бойцов в дело, которое по всем расчётам должно было завершиться удачей. Результаты всегда бывали отличными: после такого дела боец начинает чувствовать себя уверенно, спокойно — ведь он столкнулся с врагом, победил его и теперь ощущал свою силу.

* * *

Об отношениях между офицерами и бойцами. Наш солдат ценит дисциплину и не любит в офицере, расхлябанности, вялости, нерешительности, мягкотелости. Всякое подлаживание к солдату, панибратство не ведут ни к чему: боец быстро подметит эту черту в офицере и будет остро подтрунивать над ней. Но не любит наш солдат офицеров-педантов, «сухарей», далёких от жизни бойцов, вовсе не общающихся с ними.

Боец требует твёрдого руководства, любит в офицере смелость, спокойствие, решительность. Он ценит офицеров строгих, но справедливых,

взыскательных, но общительных, заботящихся о бойце. Любит наш солдат офицера, который умеет и пошутить, бросить во-время острое словцо, умеет душевно поговорить с бойцами, знает их боевую жизнь, их нужды, запросы и думы.

Всякая бытовая распущенность в поведении офицера немедленно подмечается бойцами и ведёт не только к подрыву, но и к падению авторитета командира. Перестав уважать его как человека, боец неизменно перестаёт уважать его и как командира. Тут уж ничего не сделаешь!

Да, командир должен высоко держать своё офицерское достоинство и обязан помнить, что боец всегда хочет гордиться своим офицером.

Есть у меня командир взвода Семёнов. Это человек весьма некрепкий физически, я бы даже сказал хрупкий. Но он всегда вместе со своими бойцами — и в тяжёлых походах, и в бою. Я помню, как боец соседнего взвода сказал бойцу Семёнова:

— Ну, уж и командир у вас! Слабый какой-то!

На что тот ответил:

— Слабый-то слабый, а какой сильный!

В этом ответе сказалось солдатское уважение к силе духа офицера Семёнова, помогающей ему преодолевать самые тяжёлые испытания, которые для него, как для человека физически некрепкого, может быть, втройне тяжелы.

Наш солдат очень любит, когда его передовую траншею посещает какой-нибудь большой начальник, скажем, комдив, поговорит, пошутит

с бойцами. Долго после этого идут среди бойцов толки о таком посещении. Вспоминаются и пересказываются разговоры, шутки. «Был у нас комдив, говорили мы с ним. Неплохо переговорили. Обещали ему драться на славу...»

Надо сказать, что наш солдат никогда не забывает таких обещаний, данных офицеру, которого он ценит и уважает.

Служебные отношения между начальником и подчинёнными чётко и строго регламентируются уставами. Но нельзя ограничиваться одними служебными отношениями с людьми, с которыми делишь радости и невзгоды боевой жизни, с которыми рука об руку идёшь на врага, видишь смерть в глаза. Это, конечно, касается и солдат.

Почти все командиры понимают необходимость внеслужебных отношений с бойцами, но не все умеют наладить эти отношения. Нередко разговор командира с бойцами, являющийся, по мнению командира, разговором «по душам», является на самом деле сухой, абстрактной, схематической беседой. Особенно нетерпима такая беседа, которая ведётся офицером в ложно «народном» стиле, который, как полагают некоторые недалёкие люди, чрезвычайно доходчив до бойцов.

Нет, внеслужебные отношения командира взвода, роты с подчинёнными ему бойцами должны основываться на действительном знании их нужд, дум, чаяний, на понимании и изучении психологии каждого бойца. Офицер должен быть хорошим психологом, точно улавливающим всё то, что происходит в душе солдата.

Наш боец любит свою часть, сроднился с нею. Я получаю множество писем от раненых. Они трогательно спрашивают меня, эти старые, бывалые бойцы, о путях и боях дивизии, о новостях. И каждый просит о том, чтобы после выздоровления его вернули обратно в дивизию.

Такие письма кажутся мне весьма ценными и многозначительными. Они доказывают, как выросла и окрепла та кровная связь солдата с его ротой, полком, дивизией, которую лучшие полководцы всегда считали важным условием победы. И офицер должен всеми мерами укреплять эту связь. Он должен добиваться того, чтобы его бойцы были не «единицами» пополнения, а действительными боевыми соратниками, воспитанными в традициях подразделения, знающими боевую историю подразделения и части, ценящими своего командира, всем сердцем верящими ему.

Эти качества, умело и тонко воспитанные, делают часть гвардейской, непобедимой.

ВОЛЯ И ЧЕСТЬ

Офицер должен быть упорен в достижении поставленной перед ним задачи. Коль скоро план боя всесторонне обдуман, отработан до мелочей, офицер обязан всей силой непреклонной воли проводить его в жизнь. Военная история знает немало таких примеров — войска прекращают свои усилия в тот момент, когда малейшее повторное усилие привело бы к успеху, но у командира нехватило воли, упорства. Бой есть не только состязание с противником в

знаниях, в опыте, в умении, но и состязание в силе воли, в силе упорства, в силе нервов.

Недавно наше соединение провело операцию местного значения. Враг соорудил на одном озерном участке Восточной Пруссии сильнейшую, тщательно продуманную оборону. Мы начали штурм этой оборонительной полосы.

Мы дрались двое суток. Нам удалось захватить кое-где первые линии траншей врага, но явного успеха не обозначилось. Это было одно из тех, знакомых каждому командиру, положений, когда продвижение налицо, но враг ещё не сломлен.

Мы собрались, чтобы обсудить обстановку. Высказывались мнения, что следует приостановить атаки, перегруппироваться, наметить новые планы. Действительно, это было одно из тех характерных положений, когда упорство командира могло незаметно перейти в свою противоположность — в упрямство, в бессмысленную трату сил, в упрямое и бесцельное топтание на одном месте. Как же быть?

Следует сказать, что в таком случае решение командира должно основываться прежде всего на знании свойств конкретного противника. Это чувство есть не что иное, как ощущение физических и моральных сил неприятеля, ощущение, которое складывается из целого ряда мелких, кажущихся незначительными признаков, обобщаемых военным умом. Многие военные писатели называют его полководческой интуицией. По-моему, это есть чисто рациональное умение проанализировать ход сражения со всех сторон.

Итак, многие офицеры советовали командиру временно прекратить атаки.

— Нет,— сказал командир, выслушав всех,— надо продолжать: немцы слабеют.

На чём основывалась его уверенность? Впоследствии я беседовал с ним, и он дал ответ, который показался мне точным и характерным. А в момент, когда он принимал решение, в его распоряжении не было более или менее точных данных, свидетельствующих о том, что силы противника действительно иссякают. Но по тому, например, как немцы вели себя во время своих последних контратак, по внешнему виду и состоянию военнопленных, по десяткам других более мелких фактов и наблюдений он чувствовал, что противник морально подорван. Нужны ещё один-два толчка, чтобы моральная победа получила физические, ощутимые формы.

И действительно, первая же решительная атака в эту ночь увенчалась полным успехом. Прорыв был осуществлён.

Я остановился на этом эпизоде, потому что в нём, на мой взгляд, было в высокой степени продемонстрировано то умение «чувствовать противника», то творческое умение синтезировать мелкие, казалось бы, незначительные факты, которые даются опытом и талантом.

Расскажу о другом эпизоде. Он относится к начальному периоду войны.

Одному из наших подразделений был отдан приказ взять высоту, занимаемую противником. Начался штурм. Он продолжался много часов и не давал никаких результатов. Командующий приказал мне отправиться в подразделение и разобраться в положении дел.

Я прибыл на место. В штабе царила та нервная, суматошливая обстановка, которую можно охарактеризовать двумя словами: люди «запарились». Я быстро понял, что никто здесь, в том числе и сам командир, не уясняет себе ни состояния войска противника, ни перспективы дальнейших атак. И тем не менее атаки продолжались. С виду это было упорство, проявление сильной воли. Но на самом деле это было не что иное, как упрямство, тем более бессмысленное, что атаки всё время производились по одному и тому же, давно разгаданному противником плану.

На моё замечание по этому поводу командир подразделения ответил:

— Я не был бы командиром, если бы не сумел проявить свою силу воли до конца и остановился бы перед трудностями.

Он, видимо, полагал, что командирская сила воли заключается в бесконечном, механическом и слепом повторении ударов в одну точку.

Мне же кажется, что сила воли командира только тогда эффективна, когда она проявляется не механически, не слепо, а базируется на том зрелом, разумном и творческом анализе боя, о котором я говорил выше. И порой сила воли офицера состоит в решимости отказаться в процессе боя от однажды принятого решения, коль скоро оно не оправдывает себя. В этом случае нужно найти новое, более разумное, творческое решение, соответствующее вновь появившимся, неучтённым обстоятельствам.

Так было и в том случае, о котором я говорю. По приказу командующего атаки были приостановлены на одну ночь. За эту ночь силы были перегруппированы соответственно новым разве-

дывательным и другим данным, люди несколько отдохнули, атмосфера «запарки» развеялась. И утром высота была взята.

* * *

Понятие офицерской чести — давнишнее понятие. Но для советского офицера оно наполнено новым содержанием. Честь советского офицера определяется прежде всего тем, что он является представителем советского народа, лучшей части советской интеллигенции, воспитанной советской властью. Советский офицер — верный слуга советского народа. Верность воинской присяге, выполнение своего воинского долга перед Родиной — вот что, прежде всего, определяет содержание понятия чести советского офицера. Роняя честь и достоинство своего высокого звания, своего поведения, советский офицер совершает проступок против чести и достоинства своего народа. Вопросы офицерской чести, следовательно, не только не потеряли своего значения, но приобрели ещё большую весомость, большую остроту. Наша армия борется за высокие идеалы. Наши офицеры обязаны и в большом и в малом вести себя так, чтобы своими делами, всем своим нравственным обликом быть достойными великого советского народа, наших великих идеалов.

Помню одну беседу в офицерской школе, когда я задал вопрос:

— В чём проявляется офицерская честь?

Ответы были разные. Одни говорили, что честь офицера в том, чтобы быть храбрым. Другие видели её в верности офицерскому слову. Третьи — в том, что человек предпочитает ско-

рей умереть, чем не выполнить поставленную задачу.

Я сказал тогда то, что думаю и сейчас:

— Ваши ответы верны. Но понятие об офицерской чести значительно шире. Оно проникает во все поры офицерской жизни, даже в самые её мелочи.

И действительно. Разве грубость, некультурность не есть нечто, относящееся к проблемам офицерской чести? А поведение в быту? А отношение к бойцам? А широта образования?

Знал я одного офицера, который говаривал:

— Да, я груб, люблю крепкое слово, возможно, распущен. Пушкина и Шекспира не читал, выпиваю, но зато уж как до боя дело дойдёт, тут держись! Вот где моя офицерская честь!

Позволю себе не поверить! Во-первых, не думаю, чтобы такой офицер был ценным командиром в бою. Почему?

А потому, что победа в бою не есть только результат индивидуальной храбрости офицера, индивидуальной его воли. Она зависит от морального состояния многих сотен людей и, следовательно, в известной степени от внутренних взаимоотношений, существующих между ними.

И вот, если командир груб с подчинёнными, то этот «стиль» грубости обычно идёт со ступеньки на ступеньку, от старшего к младшему и создаёт во всём подразделении то внутреннее недовольство друг другом, ту разобщённость, которые неизменно скажутся в бою.

Если командир щеголяет крепкими словечками, распущен, неопрятен, выпивает, если его поведение в быту оставляет желать много лучшего, то его не уважают подчинённые, и это тоже скажется в бою.

Если командир некультурен, мало читал, если кругозор его невелик, то и боевые его действия будут, как правило, топорны, наивны, основаны главным образом на «напоре».

Далее: человек, извращающий истину, хвастливый, самовлюблённый, не может быть достойным офицером, человеком офицерской чести. Но он не может быть и хорошим командиром, потому что рано или поздно эта привычка ко лжи, привычка к хвастовству даст себя знать в бою. Рано или поздно такой офицер обязательно извратит в донесениях действительное положение, указав, например, что он взял пункт, который на самом деле ещё не взят. А каждый боевой командир знает, какой огромный вред приносят такие донесения с «авансиком».

Вспоминается случай, когда один из моих офицеров прислал донесение о том, что им прорвана линия вражеской обороны на всю глубину, в то время как он в действительности овладел лишь первой траншеей. Основываясь на его донесении, старший командир ввёл в «прорыв» резервы и понёс потери.

Впоследствии, когда это дело разбиралось, указанный офицер был изумлён, узнав, что он совершил преступление против служебного долга и против офицерской чести.

Суд чести состоялся при огромном стечении офицеров, и на нём было убедительно доказано, что служебное преступление указанного офицера питалось его моральным обликом, непониманием того, что каждая поблажка суровым требованиям офицерской чести ведёт к какому-нибудь служебному проступку.

Другими словами, командир, понимающий честь в том её широком значении, которое про-

никает во все поры офицерской жизни, командир, который борется со всем тем, что унижает офицера — с грубостью, малокультурьем, бытовой и словесной распущенностью, — такой командир будет не только подлинным офицером, но и лучшим командиром.

Честь офицера в том, чтобы быть безукоризненно храбрым. Человек, выказавший малодушие даже в самом безнадёжном положении, лишается морального права именоваться офицером.

Но честь офицера и в том, чтобы быть спокойным и ровным в своих отношениях с подчинёнными и начальствующими лицами: быть требовательным, но никак не грубым с первыми и не угодливым перед вторыми.

Честь офицера в том, чтобы, попав, скажем, в лапы врага, не сказать ему ни слова даже под угрозой смерти. Но честь офицера и в том, чтобы достойно вести себя не только перед лицом опасности, но и в общественном месте, на улице, в трамвае.

Совершив тяжёлый переход, офицер должен прежде всего позаботиться об отдыхе и пище солдат, а потом уже о собственном отдыхе — это требование не только служебного долга, но и чести. Офицер должен свято чтить свои семейные обязательства, не допускать действий, которые бы унижали, оскорбляли его семью, — это тоже требование не только гражданского долга, но и офицерской чести.

Подобное понятие долга и понятие чести весьма глубоко. Этими понятиями должен внутренне контролироваться каждый служебный и житейский шаг офицера.

Вернусь на минуту к суду чести, о котором я говорил.

Давая объяснения, обвиняемый офицер заявил:

— Справа от меня прорвали вражескую оборону, слева — прорвали, только я не прорвал... Ну и заговорило во мне офицерское самолюбие... Вот я и выдал «авансик»... Тем более, что с минуты на минуту ждал, что и мы прорвём...

Конечно, заговорило в нём не самолюбие, а тем более не офицерское самолюбие! Заговорило в нём нечто другое...

Действительное же офицерское самолюбие имеет огромное значение в воспитании и деятельности офицера. Самолюбие это заключается в том, что офицер не представляет себе, как он может сделать что-либо хуже, чем другой офицер. Но такое самолюбие питается действительной работой над собой, действительными достижениями, а не хвастовством и не очковтирательством.

Офицер Вахтинов, о котором я уже как-то говорил в своих записках, очень самолюбив. Он всегда чрезвычайно огорчён, когда он сам, его штаб, его бойцы действуют хуже, чем командиры, штаб, бойцы соседних подразделений.

И вот он садится за карту и дотошно доискивается причины успеха соседей, рассматривает методы, которые они применили, вникает в разработку их планов, в то, как они расположили свои подразделения, в то новое, что отличало их действия. Он всегда учится. На его столе лежат карты и схемы самых различных боевых операций.

Однажды его спросили:

— Зачем вы так тщательно и постоянно изучаете действия крупных масштабов, когда командуете подразделением?

Он ответил:

— По многим причинам. Одна из них в том, что тот, кто разбирается в большом, неизмеримо легче разберётся в малом. А я очень самолюбив, и мне не хочется, чтобы кто-нибудь из моих товарищей воевал лучше, чем я.

Такое самолюбие кажется мне подлинно действенным. Им питается уверенность старшего командира в том, что данный офицер не подведёт его, сделает всё доступное человеческим силам, чтобы выполнить свой долг. Но разве не является такая уверенность старшего командира высшей оценкой воинской чести подчинённого ему офицера!

Значит, и здесь высокое, подлинное понимание служебного долга сплетается с понятием офицерской чести.

НАЧАЛЬНИК И ПОДЧИНЕННЫЙ

Вспоминается разговор с интендантским офицером из соседнего соединения. Офицер жаловался на суровость своего нового начальника.

— Суров, слишком строг и суров, — говорил офицер, — редко-редко услышишь от него одобрение, не говоря уже о похвале.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что мой собеседник не сделал ничего такого, что заслуживало бы особого одобрения или похвалы со стороны нового начальника. Он просто выполнял долг своей службы.

Когда я ему указал на это, он на секунду задумался, а потом сказал:

— Может быть, это и так, но мы в нашем отделе были приучены к иному. Видите ли, раньше у нас был начальник, мы его «папашей» звали, так он ни с кем не ссорился, ни с кого особенно не спрашивал, старался, чтобы была тишь да гладь. Ну, конечно, после такого начальника да к этому, новому!

Прошло некоторое время, и я встретил своего собеседника в другом месте. Он сиял.

— Знаете, — сказал он мне, — сегодня получил благодарность в приказе от своего нового начальника. Значит уж действительно неплохо работал, если от такого начальника получил благодарность.

Я спросил:

— Скажите по совести, что вам дороже: эта ли единственная благодарность от вашего нового, взыскательного командира или те бесчисленные благодарности, которые расточал вам ваш «папаша»?

Он тут же ответил:

— Да разве можно сравнить! Конечно, эта, единственная! Ведь я, прежде чем получить её, поработал так, как, пожалуй, никогда не работал!

Ответ характерный. Для офицерской совести ценна лишь заслуженная похвала. Те же старшие командиры, которые разыгрывают из себя добрых «папаш», расточающих направо и налево награды и похвалы, достигают лишь того, что их похвалы и благодарности теряют всякую цену, становятся бюрократической рутиной вместо того, чтобы быть импульсом для дальнейшей самоотверженной работы. С таким [illegible]

ством» надо бороться: оно расшатывает дисциплину, роняет достоинство старшего командира.

Но вредна и другая крайность. Есть ещё кое-где старшие офицеры, для которых главным видом отношения к подчинённым офицерам является взыскание. Да, старший офицер должен быть строг, его похвала — редкая, скупая — должна быть обращена лишь к тем, кто действительно достоин её в тяжёлом, самоотверженном деле войны. Но и взыскательность должна быть столь же строга и столь же абсолютно справедлива, как и похвала.

Взыскание есть серьёзнейшая мера, ею надо пользоваться умело. Нельзя «разносить» направо и налево. Надо понимать, что желчность, придирчивость, хмурость командира может действовать на подчинённых офицеров не только не мобилизующе, но, наоборот, угнетающе, может не только не обострить их воли, решимости, но, наоборот, притупить. Надо уважать своего подчинённого офицера настолько, чтобы понимать, что не один лишь «разнос» может воздействовать на него.

Есть ещё кое-где старшие офицеры, которые не слишком-то строго относятся к себе, к своим ошибкам, к своему поведению, но чрезмерно резко обращаются с самыми достойными из подчинённых офицеров. Идёт бой. Командир батальона, скажем, делает всё, что в его силах, чтобы прорвать неприятельскую оборону, он сделал всё, что в человеческих возможностях, он беспрерывно рискует жизнью, а сверху сыплются на него лишь нарекания да «подстёгивания». Способствует ли это успеху? Думаю — нет. В такую минуту надо поощрить человека, понять умом и сердцем его состояние. «Подстё-

гивать» его не надо, он сам делает всё, чтобы добиться успеха. Но подбодрить, успокоить его необходимо. Только так создаётся та атмосфера спокойствия, взаимодоверия и взаимопонимания, которая столь необходима в острой обстановке.

Старший командир приезжает в подразделение. Он видит, что подчинённый офицер допустил ошибку или непорядок. Он делает ему замечание. Лучше всего, по-моему, если считаешь офицера достойным, дельным, нужным, сделать ему замечание с глазу на глаз, чтобы исправление ошибки исходило как бы от него самого. Но существуют некоторые командиры, которые не упустят случая, чтобы сделать это замечание в присутствии подчинённых, в самой резкой форме, с тем грубоватым юмором, который, как мне кажется, рассчитан даже на улыбку слушателей.

Я присутствовал при одной подобной сцене. На обратном пути я спросил командира:

— Вы считаете этого офицера никуда негодным?

— Напротив. Он неплохой командир.

— В таком случае вы сделали немало, чтобы он стал плохим командиром. Вы в корне подорвали уважение к нему. Его следует перевести в другое подразделение.

Действительно, уважение подчинённых к своему офицеру, завоёванное в боях и походах, скреплённое кровью, есть слишком большая ценность, чтобы его допустимо было подрывать без достаточного повода, желчным желанием «проучить» офицера публично, вызвать у подчинённых смешок.

Придирчивость, пристрастие к «разносам» часто рождают в подчинённых офицерах одно

весьма неприятное качество: стремление подыграться под настроения командира, поддакивать ему во всём. Выходит, что у офицера воспитывается таким образом отсутствие собственного мнения. Если у него и есть собственный взгляд на те или иные вопросы, связанные с боевой жизнью части или подразделения, то он постарается спрятать их подальше.

Я считаю такого офицера никуда негодным. Начну с того, что он не справится без посторонней помощи даже с лёгким загруднением в сложной боевой обстановке. Только человек, привыкший мыслить самостоятельно, может быть подлинным командиром. Я ценю не тех офицеров, которые поддакивают мне, а тех, которые могут высказать дельный, самостоятельный взгляд на решение, скажем, той или иной боевой задачи и убедительно доказать своё мнение. Пока мой план окончательно не созрел и не принял форму приказа, я ищу в подчинённых мне офицерах не поддакивания, а самостоятельного мнения, совета. Я стараюсь внимательно рассмотреть каждое из таких мнений, каждый из таких советов. Иногда я черпаю в них чрезвычайно много. Если же они кажутся мне недоказательными, если меня они не смогли убедить, то я, конечно, не считаюсь с ними при выработке окончательного плана. Коль скоро план выработан и принят, мои офицеры обязаны безусловно и неукоснительно его выполнять.

Замечу, кстати, что «поддакивающий» (особенно из работников штаба) может ввести в серьёзное заблуждение своего командира в момент, когда требуется высказать серьёзное, независимое мнение для принятия решения. Я не

уважаю «поддакивающего» и вижу по его поддакиванию, что и он не уважает меня.

Как человек, распоряжающийся крупными группами людей, разнообразных по своему характеру, воспитанию, темпераменту, командир должен быть тонким психологом. Биографии больших русских полководцев убедительно доказывают это. Знание человеческой психологии особенно необходимо командиру в его взаимоотношениях с подчинёнными офицерами. Надо знать каждого своего офицера настолько, чтобы понимать, какая мера воздействия наиболее эффективна для каждого из них. Ведь у каждого человека есть тонкая, наиболее чувствительная струнка. Иногда умелое прикосновение к ней совершенно преображает человека.

Отец-командир. Этот термин, конечно, должен определять не только взаимоотношения командира с бойцами, но и взаимоотношение командира с подчинёнными офицерами. Уважение, о котором я столько говорю и которое столь необходимо, достигается командиром личной безукоризненной храбростью, военным мастерством, решимостью, но достигается оно также умением вникнуть в психологию подчинённых, умением найти то слово, иногда даже тот жест, которые подчас воздействуют неизмеримо глубже и сильней, чем сотни слов.

Командир должен быть неумолимо строг ко всяким действительным провинностям подчинённого офицера. Конечно, надо, чтобы подчинённый офицер всегда чувствовал, что за ошибку с него взыщется, и взыщется строго. Но одновременно он должен знать, что командир всегда и перед всеми защитит его, если он

прав. Он должен чувствовать в своем командире старшего товарища, который внимательно и заботливо всматривается в его жизнь, с которым можно поговорить по душам о своих думах и настроениях и который никогда и ничем не унизит, да и не позволит унизить чести достойного офицера.

Вот тогда-то и рождается то беззаветное боевое братство офицеров, горячее уважение к старшему командиру. Рождается подлинная офицерская боевая семья. И рождаются те великие деяния и подвиги офицерского корпуса, которые привели нас к блестящим победам.

Кстати, ещё об одном вопросе, который имеет прямое касательство к боевой офицерской семье. Я говорю о взаимоотношениях между командирами-соседями. Бывает, что эти командиры большие личные друзья, и тогда их взаимоотношения в боевой обстановке обычно не оставляют желать лучшего. Но случается и так, что между ними пробегает чёрная кошка. Тогда старший командир должен самым внимательным образом вникнуть в это обстоятельство уже хотя бы потому, что оно может сказаться в бою.

Командир обязан достигнуть подлинно товарищеских, дружеских отношений среди членов своей офицерской семьи. Добиться этого можно, конечно, не приказами, даже не частыми встречами друг с другом. Так настоящей дружбы не достигнешь. Здесь надо действовать более тонкими методами. Командир, как психолог, должен увидеть те личные качества, те интересы, которые сближают двух его офицеров, относящихся друг к другу холодно, и попытаться связать их на почве этих интересов, помочь им

увидеть друг в друге те качества, которые им обоим симпатичны.

Мне удавалось это не раз, и я убеждён, что при внимательном отношении к вопросу это можно сделать почти всегда.

Но бывают и несколько более сложные и, может быть, курьёзные случаи.

Служил у меня комбатом офицер Постников. Очень хороший офицер с одним недостатком: он считал себя тончайшим тактиком. Остальным же комбатам, в том числе и своим соседям, он в лучшем случае готов был поставить четвёрку с минусом.

Его соседом был более молодой офицер, но тоже очень знающий, опытный, тоже хороший тактик. Фамилия его Алексеев. И вот не любили друг друга Постников и Алексеев. Как ни старался я их сблизить, ничего не выходило: разнобой во взглядах на те или иные тактические вопросы неизменно ссорил их.

Однажды я сказал Алексееву по поводу плана одного боя, разработанного им.

— Поезжайте к Постникову и спросите у него совета.

— У Постникова?!

— Да!

Он поехал. Приехал к Постникову.

— Я к вам за советом, Александр Николаевич. Вот дело обстоит так и так... Обстановка такая-то. Думаю действовать так-то. Как вы посоветуете?!

Постников некоторое время глядел на него с изумлением, потом склонился над картой. Изучив план Алексеева, он сказал, что ничего лучшего он и сам предложить не может — так хорош план. Это польстило Алексееву. И он стал

обсуждать с Постниковым прочие детали плана.

Они разошлись в восторге друг от друга. Когда потом Постников приехал ко мне, я спросил его мнение об Алексееве.

— Это превосходный офицер и замечательный тактик, — сказал он. — Вы знаете, он приехал ко мне советоваться по поводу одной операции, и я не нашёл ни одной ошибки в его планах. Теперь мы часто встречаемся друг с другом и обсуждаем разные тактические вопросы. Так, для собственного интереса.

— И это отлично, потому что Алексеев в таком же восторге от вас, как вы от него, — сказал я.

— Конечно, ведь мы друзья, — сказал Постников.

— Это и требовалось доказать, — ответил я.

☆

СИЛА НАРОДА

Мы на земле врага. Наше соединение движется всё дальше на Запад; новые и новые деревни, хутора, города с их трудными, непривычными русскому уху названиями остаются позади. Подстриженные деревья садов, каменные дома с остроугольными крышами, однообразные, выстроившиеся по линейке, точно солдаты Фридриха II. Это Германия.

В приказах отмечаются фамилии командиров частей и соединений, особенно отличившихся. Многие, очень многие из этих славных командиров лично мне знакомы. С некоторыми из них я учился в академии, с другими воевал

бок-о-бок в том или ином сражении. Прочтёшь приказ и напишешь поздравительное письмо, вспомнишь былое, академию, преподавателей, встречи, споры, беседы «и битвы, где вместе рубились»...

Зато, когда твоё имя появится в приказе, получаешь множество писем: и от старых товарищей, и от бывших сослуживцев, и от бывших своих солдат, и от друзей и знакомых из тыла, и от многих, с кем встречался во время войны и чью фамилию не всегда даже помнишь, и от совсем незнакомых людей откуда-нибудь с Урала или с Дальнего Востока. Дорого мне каждое такое письмо! В каждом из этих писем — то великое воодушевление, та любовь к нашей армии, тот гнев к врагу, которые привели нас к победе.

Да, многое совершил этот народный гнев! Каждый командир знает, какую силу представляет собой гневное воодушевление войск в бою. Упорство, гнев, ненависть к врагу-захватчику, моральные силы нашего советского народа опрокинули в этой войне всё, что только мог противопоставить им враг, в том числе и самые точные расчёты немецких теоретиков молниеносной и тотальной войны.

Помнится разговор в самом начале войны. Один офицер, находившийся в чрезвычайно удручённом состоянии духа, сказал:

— Послушайте, что же это такое? Немцы заняли Криворожье, Николаев, подходят к Донбассу... А что если они займут Донбасс, прорвутся к Ростову, в Приазовье, на Кубань, к хлебу, углю, металлургии, нефти? Я, конечно, предположительно говорю, но что же тогда?...

Это, как известно, немцам удалось временно осуществить. И всё же победа наша. Победил стратегический гений народного вождя — Сталина, преодолевший неслыханные в новейшей истории испытания; победила наша партия, воспитавшая в народе ту любовь к родной стране и свободе, ту сознательную, смертельную ненависть к фашистскому изуверству, которые сделали из наших воинов непобедимых бойцов; победил гений народа — поразительная по своей энергии деятельность миллионов самых обыкновенных советских людей — тех самых, как будто ничем особо не примечательных людей, которых мы с вами ежедневно встречаем на улицах.

Здесь следует поговорить о работе тыла. В течение многих лет войны армия получала из тыла самое лучшее вооружение, всё то, что только можно было желать. В неслыханном соревновании наши люди, работавшие в тылу, победили чудовищную военную машину немцев.

Кто же эти люди тыла, эти победители? Это, прежде, всего, наши кадровые инженеры, кадровые рабочие — краса и гордость нашей страны. Это — наши патриоты-колхозники. Но это и те, кто впервые во время войны встал за станок, кто никогда до этого не работал в цехах. Очень часто женщины, часто подростки.

Вспоминается мне один эпизод, который навсегда остался в сердце. Дело было на Волге, в самые тяжёлые дни войны... Город был эвакуирован, все заводы — тоже, но остались два цеха, производившие снаряды и отправлявшие их непосредственно к нам на позиции.

Кто работал в этих цехах? В большинстве женщины. Враг обстреливал город из дально-

бойных орудий, обстреливал и завод, а люди продолжали работать. Снаряды разрушали один из цехов, люди вырыли просторную землянку, перенесли туда станки и продолжали работать.

И каждый день, что бы ни произошло, к нам на позиции шли и шли снаряды, выработанные на заводе. Это было исключительно важно потому, что подвоз к городу боеприпасов был чрезвычайно затруднён, а часто и совсем невозможен.

Существовала на заводе бригада, которая работала лучше всех. Она состояла из четырёх женщин: одна — бывшая продавщица в магазине, другая — бывший парикмахер и две домохозяйки. Как-то раз мы приехали на завод, чтобы выразить благодарность рабочим от имени нашей части.

— Молодцы! — сказал я бригадиру той самой женской бригады, — всегда первые, всегда лучше всех. Молодцы! Герои!

— Ну уж и герои! — отозвалась она. — Вы бы послушали, о чём мы говорим, когда после работы собираемся поболтать. И о том, как до войны по дому хозяйничали, и о детишках говорим, и о том, как пироги печь... Какие уж мы герои!

— А как вы думаете, — сказал тогда мой спутник, — разве герои на фронте не говорят о том, как по дому хозяйничали, и о своих детишках?.. Тоже, милая, говорят, и вспоминают, как до войны жили и какие пироги пекли им жены... Герои очень просто всегда говорят, но зато делают то, что далеко не просто.

Да, наш тыл совершил это «далеко не простое». Не меньше, чем армия, выказал он ту мощь народного упорства, ту вдохновенную

силу, перед которыми рухнули захватнические планы врага.

Тыл давал нам не только вооружение и продовольствие, он поддерживал нас морально. Я видел множество писем из тыла и всегда читал в них правду о трудной жизни, но рядом с этим читал в них о том, что люди мирятся со всеми невзгодами, потому что — война и надо побить врага. И во всех этих запечатанных треугольничком письмах я видел горячее желание воодушевить бойца, успокоить его за судьбу семьи, придать ему моральную силу.

Так в течение всей войны бесчисленными миллионами этих нежных и в то же время спартански-суровых писем вливалась в армию та великая сила, та народная твёрдость, для которой нет невозможного.

Сравните письма, которые получали из тыла немецкие солдаты, с теми, которые получали наши бойцы, и вы увидите одну из интереснейших и показательнейших сторон исторической битвы на стойкость народного духа, на твёрдость народной души, соревнования, в котором наш советский народ одержал решительную победу.

Сказалось великое благо советского воспитания нашего народа, то обстоятельство, что каждый из нас привык видеть себя частью огромного чудесного целого, привык подчинять свои нужды, свои требования воодушевляющим историческим целям всего государства. Сталинское политическое воспитание народа слилось с гениальной сталинской военной стратегией и принесло победу.

...Ночь перед нашим вторжением на территорию Германии я провёл на своём наблюдатель-

ном пункте. Я никогда не забуду силу того артиллерийского удара, который предшествовал решительной атаке нашей пехоты. Это был как бы громовой приказ Родины идти на штурм вражеской земли, приказ Родины, которая сделала всё, чтобы этот штурм мог осуществиться. И мы пошли на штурм и прервали оборону на немецкой земле.

И вот мы на земле врага. Мы пришли сюда зрелыми воинами. Наш дух, наш опыт, наши знания, наша ненависть к врагу окрепли в боях. Мы стали армией мастеров — пулемётчиков, миномётчиков, танкистов, артиллеристов, лётчиков, мастеров штабного дела, мастеров-полководцев. Как далеко то время, когда мы тратили недели на то, чтобы взять какую-нибудь высоту или населённый пункт. Как далеко то время — первые месяцы войны, когда мы жались друг к другу, не решаясь на смелый и самостоятельный рывок в отрыве от главных сил. Мы научились сочетать упорство с гибкостью, риск с расчётом. Мы овладели тем мастерством ведения боя, когда технические детали решаются мгновенно и точно и командир может сосредоточиться на творческом решении задачи.

Мы подавляли врага количеством вооружения, смелостью и воодушевлением наших бойцов, тонкими и дерзкими замыслами наших командиров, мы диктовали ему свою волю, мы заставляли его драться там, где мы хотели, и предпринимать оборонительные меры, которые мы могли без особого труда предусмотреть в наших планах. Это много, это огромно.

Но, возможно, не менее существенны и процессы, которые происходили в военной машине

противника. Каждый командир, который внимательно наблюдал за действиями немцев, не мог не отметить, что хотя немцы долго и упорно сопротивлялись, но в их штабах уже давно ощущалась та надломленность, то отсутствие уверенности в себе, те колебания и притупленность воли, которые всегда говорят о многом.

Офицер, который наблюдает за состоянием вражеских войск, должен учитывать не только их численность, их вооружение, но и изменения в боевом стиле их командиров и штабов.

Труден и огромен был путь к победе. Много офицерских могил осталось на дорогах войны, немало благородных сердец перестало биться. Иные из офицеров были кадровыми военными, другие пришли из запаса, сменив уже в ходе войны штатский костюм на военный мундир. Но все — и кадровые и из запаса — стали одной семьёй, жившей одними радостями и печалями, одними надеждами, одними мыслями. Делу победы служили и те, кто отдал всю свою жизнь военному искусству, и те, кто пришёл в ряды войск с полей, заводов, от чертёжных столов, из университетских лабораторий. Между нами не было и не может быть разницы: все мы люди, вышедшие из народа, знающие жизнь народа, питаемые его мыслями, его глубинными национальными корнями. Все мы сыновья одной советской семьи — и те, кто долгие годы носит военный мундир, и те, кто надел его после того, как гроза разразилась. Мы стали могучей кадровой армией народа.

Пора кончать мои записки. О многом я не упомянул. Я писал лишь о том, что попадалось мне в тот или иной день в поле зрения и казалось интересным, существенным. Возможно, в

некоторых суждениях я неправ — пусть товарищи офицеры поправят меня. Возможно, что многие из тех явлений, которые я затронул, покажутся несущественными в свете полного разгрома гитлеровской Германии.

Я могу сказать, что в таком сложном организме, как армия, всё существенно и что победа слагается из большого и малого. И не учтя, не разобрав малое, не всегда разберёшься в действительной исторической силе того великого, что принесли с собой наши дни.

СОДЕРЖАНИЕ

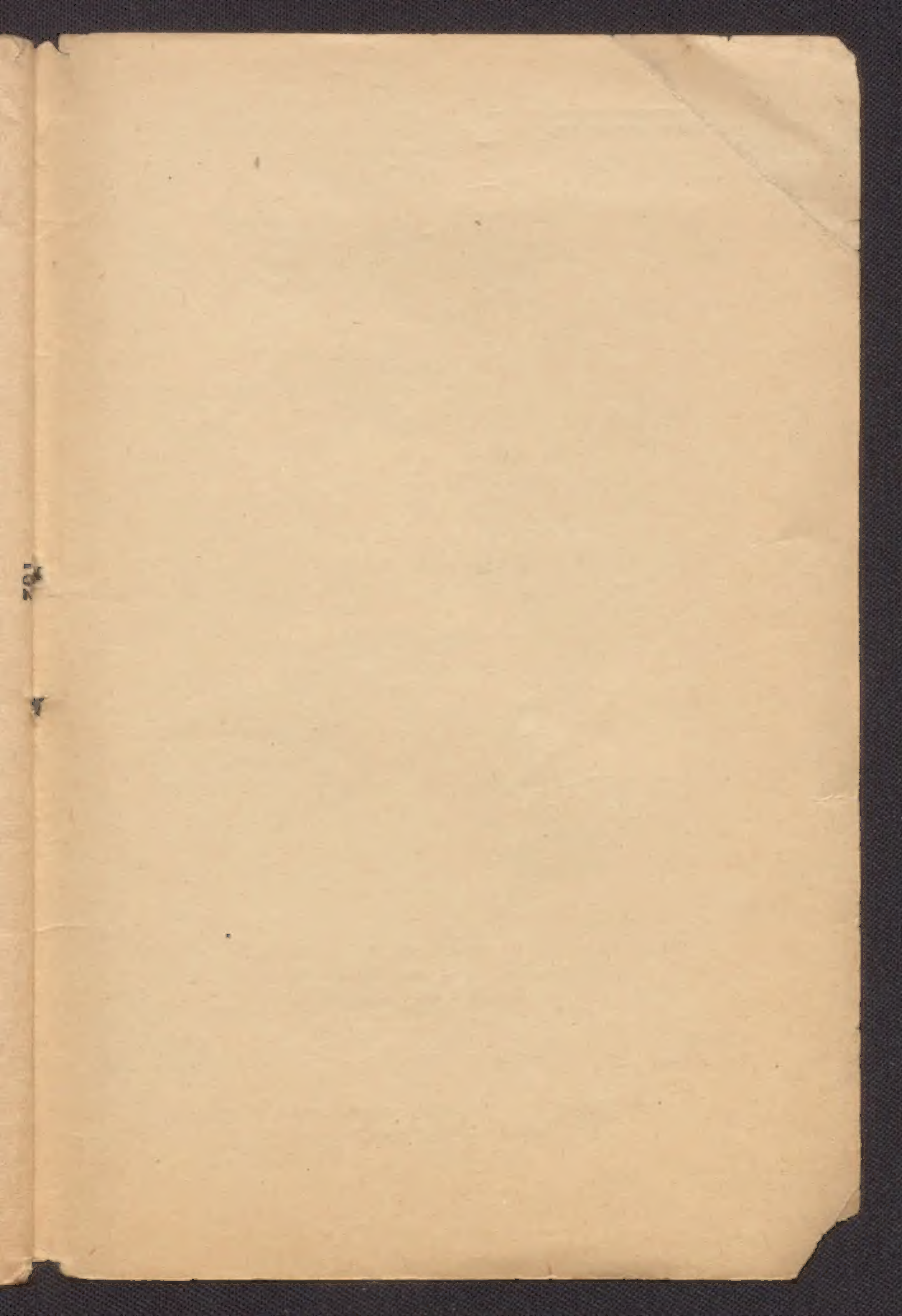
Редактор гвардии подполковник *Ворончихин Д. А.*
Технический редактор *Еремеева Е. Н.*
Корректор *Тепер М. С.*

* * *

Г800484. Подписано к печати 19.5.45. Объем 2 п. л.
2,35 уч.-авт. л. Заказ 303.

* * *

1-я типография Управления Воениздата НКО
имени С. К. Тимошенко

Цена 75 коп.